

ТРАДИЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/7-21

Научная статья

© А. Б. Пермиловская

КУЛЬТОВАЯ ТРАДИЦИОННАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ФАКТОР АДАПТИВНОГО МЕХАНИЗМА ПРИ ОСВОЕНИИ РУССКОЙ АРКТИКИ

В основе работы — эмпирический полевой материал по обследованию традиционных поморских поселений, расположенных на побережье Белого моря, в дельте рек Северной Двины, Мезени, Онеги (Онежское Поморье), а также архивные источники. В ходе исследования использованы две авторские методики по изучению памятников деревянного зодчества и исторических поселений как объектов культурного наследия, привлечен опыт работы музея деревянного зодчества «Малые Корелы». В связи с тем, что формирование культурного пространства России проходило под влиянием различных этнокультурных традиций и сопровождалось развитием региональных культур, осмысление опыта жителей Русского Севера и Поморья может дать ключ к пониманию исторического развития государства, связанного с духовным и хозяйственным освоением огромных таежных и арктических пространств Евразии вплоть до Сибири и Дальнего Востока. Арктика, с ее историей и сохранившейся культурой, является мировой сокровищницей технологий и практик устойчивого развития. Поморы — это русскоязычная группа, потомки населения, заселившего с XII века берега Белого и Баренцева морей. Целью исследования является выявление и изучение памятников культовой архитектуры, которая, по мнению автора, послужила фактором адаптивного механизма освоения и организации жизненного пространства и сакрального ландшафта Русской Арктики. Поморские храмы и кресты выполняли не только сакральную и защитную миссию, но выступали навигационными знаками, которые были нанесены на лоцманские карты.

Ключевые слова: Русский Север, Арктика, поморская культура, культовая архитектура, православие, адаптация

Ссылка при цитировании: Пермиловская А. Б. Культурная традиционная архитектура как фактор адаптивного механизма при освоении Русской Арктики // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 7–21.

Пермиловская Анна Борисовна — доктор культурологии, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаврова УрО РАН (Российская Федерация, 163020 Архангельск, Никольский пр., д.20). Эл. почта: annaperm@fciactic.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

* Исследование выполнено в рамках научной темы № 122011300471-0 «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике».

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/7-21

Original article

© Anna Permilovskaya

TEMPLE TRADITIONAL ARCHITECTURE AS A FACTOR OF AN ADAPTIVE MECHANISM IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC

The work is based on empirical field material obtained in traditional Pomor settlements located on the coast of the White Sea, in the delta of the rivers of the Northern Dvina, Mezen, Onega (Onega Pomorie), and archival sources. Two survey methods designed by the author were used to study monuments of wooden architecture and historical settlements as objects of cultural heritage. The article is also based on the author's experience in the museum of wooden architecture "Malye Korely".

The cultural space in Russia formed under the influence of various national and ethnocultural traditions accompanied by the development of regional cultures, so analyzing the experience of the Russian North and Pomorie can provide a key to understanding the historical development of the country associated with the cultural and economic development of vast taiga and Arctic spaces, Eurasia up to Siberia and the Far East. The Arctic with its well-preserved history and culture is a treasury of technologies and practices of sustainable development. Pomors are the Russian-speaking group which settled the White and Barents Sea Coast in the XII century. The objective of this research is revealing and studying cult architecture, which, according to the author's concept, served as an adaptive mechanism of development and organization of the Russian Arctic living space and sacral landscape. Pomor churches and crosses fulfilled not only sacral and protective functions, but also acted as navigating signs added to pilot charts.

Keywords: *Russian North, Arctic, Pomor Culture, Cult Architecture, Orthodoxy, Adaptation*

Author Info: **Permilovskaya, Anna B.** — Dr. in Cultural Studies, Head, Chief Researcher, Scientific Center of Traditional Culture & Museum Preservation, N. Lavrov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: annaperm@fciarctic.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

For citation: Permilovskaya, A. B. 2023. Temple Traditional Architecture as a Factor of an Adaptive Mechanism in the Development of the Russian Arctic. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2: 7–21.

Funding: The study was carried out within the framework of scientific theme № 122011300471-0 "Comprehensive study of folk architecture as an ethnomarker of traditional Russian culture in the process of historical development in the European North and the Arctic".

Русский Север — это особый культурный ареал, где самобытность населения сохранилась в состоянии, близком к её истокам. Северная культура несет особый «русский генетический код», который посредством традиции передается из поколения в поколение. Встречи с крестьянством северной деревни дали мне многое. У них я училась мудрости, гостеприимству, доброте, умению жить в трудных условиях и человеческому достоинству. Работа опирается:

— на собственный эмпирический материал 36 архитектурно-этнографических экспедиций (ПМА);

— две авторские методики по обследованию памятников деревянного зодчества, исторических поселений как объектов культурного наследия (с созданием историко-культурного опорного плана);

— анализ архивных и музейных источников в ГААО, ИЭА РАН, РЭМ, ГИМ, АКМ, ГНИМА им. А. В. Щусева, ГИИ, СГИАПМЗ, АГМДЗНИ «Малые Корелы», НПЦ, региональных музеях Архангельской области и др.;

— многолетний опыт работы по формированию экспозиции самого крупного музея под небом России — АГМДЗНИ «Малые Корелы»;

— материалы, составившие основу личного опыта автора, приобретенного в результате научных стажировок и многолетнего изучения экспозиций музеев под открытым небом и памятников народной архитектуры «in situ» в России и за рубежом.

Уже около двух столетий в кругу концептов отечественной культуры «Русский Север» — это не только устойчивое понятие, означающее географический ареал местной культуры. Это очень емкий по содержанию термин, название региона, который занимает особое место на культурной карте России. Тому причиной стали несколько характерных особенностей Русского Севера.

Одной из главных визитных карточек здешних земель является обилие деревянной архитектуры. История русской деревянной архитектуры в значительной степени представляет собой историю деревянного зодчества Русского Севера. Первые церкви Древней Руси строились из дерева. Храмовая архитектура, как вид искусства имеет своеобразный профессиональный язык, она «говорит» на языке архитектурных форм, в котором символически заключена традиционная картина мира человека и его религиозная доктрина. Именно в православном деревянном храме наиболее ярко проявляются особенности народного мировоззрения, где определяющее место принадлежит христианству и мифопоэтическому миропониманию русского народа. Понятие «Русский Север» отражает также значительную «русскость» региона, где «были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства» (*Грбарь* 1910: 336).

В то же время Арктика с ее сохранившейся историей и культурой являются мировой сокровищницей технологий и практик устойчивого развития. В течение длительного времени здесь проживали народы, развитие которых шло на принципах взаимодействия природы и общества в условиях очень хрупких, уязвимых экосистем на биологически непродуктивной территории. В условиях жестких ресурсных и экологических ограничений, когда ценой ошибки была, зачастую, жизнь человека или целого сообщества, народы Арктики обладали уникальными знаниями и выработали систему взаимодействия с природой, которую можно охарактеризовать как технологии устойчивого развития.



Рис. 1. Мезенские поморы на промысле, конец XIX в. Из фондов ГПИБР.

Интенсификация промышленного освоения Арктики ставит во главу угла вопросы сохранения уникальной северной природы, биологического разнообразия и самобытной культуры, как коренных жителей арктических территорий, так и поморской культуры — русский вариант морской культуры в Арктике. В течение XVIII–XIX вв. сложилось представление о поморе как об особом типе и авангарде русского человека, обладающего предприимчивостью, смелостью, умом, независимостью в делах и суждениях. Особый психический склад, «на который обращали внимание все люди, побывавшие на Севере, отличал поморов, как от жителей средней полосы, так и от северного крестьянина-земледельца» (*Бернштам* 1983: 83). Поморы сделали своим «полем» море, где добывали рыбу, морского зверя, создали своеобразную морскую культуру. Основные поморские поселения расположены вдоль побережья в устьях рек, впадающих в Белое море. В бассейне р. Мезень сформировались две большие этнографические группы русского населения: «поморы» и «поречане», главное различие между которыми было в ведении хозяйственной деятельности. Причем, если термин «поморы» не составляет труда найти в этнографической и исторической литературе, то термин «поречане» можно встретить только в редких дореволюционных изданиях (*Тюлений промысел в пределах Мезенского уезда* 1901). Селения мезенских поморов находились не только на самом побережье, но и на значительном расстоянии от него — до 45 км и далее. Это было поморское население, более всего «запрытанное» на материке. Неслучайно многие мезенцы идентифицируют себя с поморами: «С детства помню: “В каждой избушке свои погремушки, в каждой избе свой погром, в каждой деревне свой обиход, а везде все наше поморское”» (*ПМА*). Если постоянные жилища мезенских поморов располагались, как правило, на значительном расстоянии от морского берега, то временные жилища промыслового характера (тони) встречаются на обширном пространстве побережья и островов Белого, Баренцева и Карского морей. Данная ситуация характерна и для бассейнов рек Северной Двины, Онеги.



Рис. 2. Промысловая одежда помора (совик, оплеуха — шапка, ремень с ножнами, лямки с крюком, поморская вязаная рубаха, бахилы), конец XIX в. Фото А. Пермиловской из собрания АКМ.

Возможно, не случайно в XVI–XVII вв. весь Русский Север назывался «Поморьем», «Поморским краем». Слово «помор» впервые появилось в 1526 г. в летописи: «Поморцы с моря Окияна, из Кандоложской губы». В контексте понятия «Поморье» термин «поморы» получил тройственное значение: население, проживающее на территории Беломорского побережья от Онеги до Кеми, население всего Беломорского побережья, население Русского Севера (Куратов 2001: 200, 317). Современное Поморье в административно-территориальных рамках — это Архангельская, Мурманская области, НАО, Карелия, имеющие выходы к Белому, Баренцеву, Карскому морям. Русские поморы — это коренное

население, которое наряду с КМНС, внесло весомый вклад в освоение Арктики (Лукин 2005: 286–287; Пермиловская 2016).

Формирование социокультурного пространства Поморья теснейшим образом связано с особенностями материальной и духовной культуры местного населения, традициями оформления его вербальной картины мира, отразившимися в народной архитектуре, ландшафтной этно-топонимике, сложившейся системе священных природных мест коренных народов Севера и рукотворных русских православных храмов. Специфика жизни русского человека в условиях Севера и Арктики формировала особый тип мышления и менталитета, опорой которому было православие.

Старообрядчество стало господствующей формой православия в Поморье. Среди поморов господствовала беспоповщина филипповского, федосеевского, даниловского согласия. На нижней Двине, Летнем и Поморских берегах находились старообрядческие молельни и скиты, наиболее известными в начале XX в. были Пертозерский, Амбурский, Лахотский и др. (Бернштам 1983: 96).

Рис. 3. Компас — «матка» В. В. Бронникова, конец XIX в. Фото А. Пермиловской из собрания АКМ.



Рис. 4. Старообрядческий лубок, конец XIX в. Из собрания ГМИР.

Арктика с ее богатейшими природными ресурсами всегда была центром притяжения для промышленников, купцов, путешественников, исследователей, художников. Русские, для которых Арктика издавна обладала особой манящей силой, на протяжении всей ее истории: от новгородских купцов и поморов до художников и покорителей Северного полюса, всегда стремились на Север. Результатом этой многовековой деятельности стало освоение русскими мореплавателями и землепроходцами, служилыми людьми и промышленниками, миссионерами и учеными обширных полярных земель. Наблюдая за жизнью арктических народов, проживая с ними



бок о бок, русские не только привнесли новое в их культуру и религию, но и обогатились этнокультурными заимствованиями от местного населения, связанного в первую очередь, с хозяйственной деятельностью и системой жизнеобеспечения, без которых невозможно представить современную жизнь российского «Арктического дома» (РЭМ 2016).

Писатель Федор Абрамов охарактеризовал поморов как людей великого мужества, выносливости, терпения, предприимчивых, «быстродумных», «государственников» по духу своему и складу мышления. Ведь именно они, поморы, первыми прорубили окно в Европу. Отсюда, из Поморья, началось то грандиозное движение русского народа в Сибирь, на Восток, которое известно под завораживающим названием «встречь Солнцу» (Абрамов 1986: 30–32). «Но Север — это не сказка, не Беловодье, не та обетованная земля, о которой веками мечтало крестьянство... Север — это штормы и бури студеного моря. И потому Север — это работа, работа и работа» (Петров 2021: 78–79). Отважные северные мореплаватели освоили морской путь на Новую Землю, в Сибирь и на запад — Шпицберген. «...В 1897–1899 гг. только из Архангельска на Шпицберген ходило до 18 судов. В сезон здесь обитали до 400 русских промысловиков, добывая до 1000 моржей» (Устинова 2021: 524). Континентальный менталитет, свойственный славянам, сменился на Севере более открытым и активным мировосприятием морских народов. В поморской среде бытовала поговорка: «Архангельский город всему морю ворот». Крестьяне-земледельцы,

пришедшие на Север из новгородских и ростово-суздальских земель, сделали своим «полем» море, где добывали рыбу, морского зверя, создали своеобразную морскую культуру. На деревянных судах, приспособленных для арктических плаваний, достигали островов Новой Земли и Шпицбергена. Велика роль в освоении Арктики наших соседей — норвежцев, здесь на Севере Европы появился уникальный опыт сотрудничества двух культур, которые обогащали друг друга.

Северные моря кормили поморов, именно Белое море в данных условиях сыграло структурирующую роль в их этногенезе. В качестве примера поморского характера можно привести жизнь и творчество «художника вечных льдов» и полярного исследователя А. А. Борисова. Он синтезировал лучшие черты русского и поморского характеров — мужество, целеустремленность, выносливость, наблюдательность, решительность, взаимовыручку. Путешествуя по Арктике, он научился спать на снегу, работать на морозе, есть сырое мясо, переносить одиночество (*Борисов* 1907, 1909). Академик Д. С. Лихачев оставил замечательную подсказку, где и как мы можем найти ключи к возрождению былой мощи России и Русской Арктики. Ключи эти хранятся в поморском характере. Изучив процессы его формирования, мы сможем понять людей, живущих на Севере и «овладеть ключами» открывающими дверь в Арктику (*Лихачев* 2000: 409–410).

Созидая культурное пространство, человек воплощал свое понимание законов природы, видение мира, которое проявилось через феномены традиционной культуры, какими являются культовые сооружения. Культовое деревянное зодчество — своеобразное ответвление русской архитектуры, впитавшее в себя мировоззрение народа и являющееся отражением его традиционной картины мира. В Поморье получили распространение и сохранились до настоящего времени уникальные деревянные церкви всех типов. Клетские: Спасо-Преображенская, с. Ижма (1679), Рождества Пресвятой Богородицы, с. В. Золотица (1875) Приморский р.; Никольская, с. Ковда (XVII в.) Мурманская обл. Шатровые: Никольская, с. Лявля (1581); Никольская, с. Конецдворье (1704) Приморский р.; Успенская, с. Варзуга (1674), Успенская, с. Кемь (1711) Мурманская обл. Шатер га крещатой бочке: Одигитриевская, с. Кимжа (1709), Мезенский. р. Кубоватые: Вознесенская, с. Кушерека (1669); Владимирская, с. Подпорожье (1757) Онежский р. Ярусные: Андрея Первозванного, о. Большой Заяцкий, Соловки (1702), Приморский р. Многоглавые: Сретенская, с. Заостровье (XVII в.), Приморский р. и др. (*Пермиловская* 2013).

Так же, как и названия деревень, наименования храмов отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания насельников этих территорий.

Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Святого Николая, а дни чествования Николы совпадали с народно-хозяйственным и промысловым календарем. В Поморье к ним приурочивались многие артельные обычаи и праздники.

Сакральное пространство Поморья формировалось православной деревянной архитектурой («тройники»), мировоззренческое содержание которой стало стабилизирующим фактором адаптации. Поморский дом, благодаря выработанным местными зодчими принципам планировки, архитектурно-конструктивного устройства и декора, выступает как этнический механизм адаптации русских в процессе освоения северных и арктических территорий. Сложность адаптации к местным климатическим условиям обусловлена сезонностью погоды, ее изменчивостью, которая,

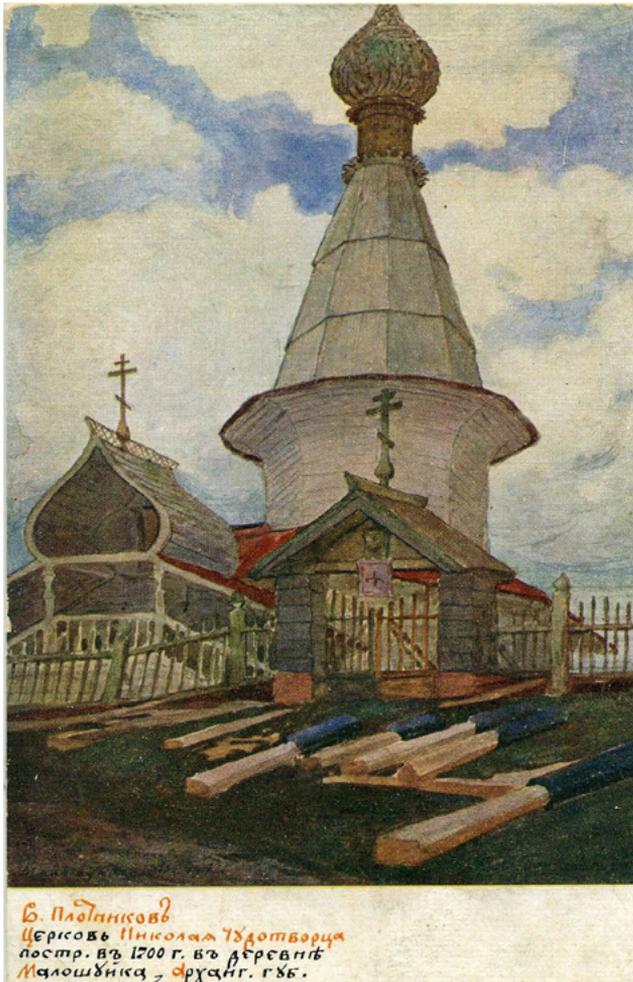


Рис. 5. Плотников. Церковь Николая Чудотворца, д. Малошуйка, 1700 г. Из фондов ГПИБР.

на реку и «на лето». Природный ландшафт местности характеризуется высокой живописной береговой линией, песчаными возвышениями, покрытыми традиционной северной растительностью — брусничником, можжевельником, вереском, соснами, елями и березняком. Традиционно для Онежского Поморья село состоит из двух деревень: Верховье и Низ, которые разделены глубоким оврагом. Впервые Пурнема упоминается в 1562 г. в связи с наличием там церкви Св. Николая. Население Пурнемы, как и другие поморских поселений, занималось речным и морским рыбным промыслом, добычей морского зверя и солеварением. В XVI–XVII вв. здесь находились солеварни («варничные места»), рыбные тони, пашни, лесные угодья, земельные владения. Пурнема была вотчиной Соловецкого монастыря.

Пространственная организация села строилась вокруг погоста, в состав которого входили две церкви, колокольня, роща, церковно-приходская школа, амбар-магазея, два кладбища для священников (около алтаря Никольской церкви) и для местных жителей (на Никольском поле), часовня. В структуре поселения было несколько

в свою очередь, почти целиком зависит от моря: его течений, атмосферных явлений, розы ветров. Обследованные сотрудниками НЦ ТКМП поселения региона Онежского Поморья являются примерами сохранившегося субарктического морского культурного ландшафта. В ходе экспедиций 2018–2021 гг. были выявлены новые памятники деревянного зодчества, даны рекомендации по их сохранению, использованию, ревалоризации, определена возможная категория охраны поселений АЗ РФ.

В качестве «case study» приведу с. Пурнема. Поселение выделяется своим историко-природным ландшафтом: оно расположено в северной части Онежского берега Белого моря и на левом берегу в устье р. Пурнема, на расстоянии 103 км к северу от г. Онеги. Название финно-угорского происхождения, в переводе означает «олений мыс»: «пурр» — хороший, добрый. Планировка поселения — прибрежно-рядовая, окна домов ориентированы

поклонных крестов. До 1930-х гг. здесь находился трехчастный ансамбль, состоявший из зимней, летней деревянных церквей и колокольни. На сегодняшний день сохранился только храмовый комплекс из двух деревянных церквей: шатровой Никольской и Христорождественской, построенной «по плану и фасаду». Колокольня (1775) утрачена (Архив НПЦ 1992), но ее облик в составе архитектурного ансамбля реконструировал в своем исследовании Ю. С. Ушаков (Мильчик 1971: 4; Ушаков 1982: 6). Важнейшим композиционным, социальным и духовным центром исторических северных поселений являлся храмовый комплекс — архитектурная доминанта, выполнявшая важнейшую функцию организации пространства. Храм, был своеобразным маяком. Второй вертикалью была колокольня. С ее площадки звона можно было видеть море и корабли. В старых поморских лощих встречаются указания — как держать курс, ориентируясь на створ (линию) береговых церквей.

В исторической памяти местного населения сохранилась легенда о строительстве храма: «Однажды в Пурнему Никола Чудотворец во льду приехал. Его увезли в Горбатику, и он опять приехал. Икона Николая Чудотворца была в пустом карбасе, выброшенном морем на берег» (Матонин 2013: 143). Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Св. Николая, не случайно поговорка справедливо гласит: «От Холмогор до Колы — тридцать три Николы». Никольская церковь — самый древний деревянный храм беломорского побережья, относится к храмам «восьмерик на четверике» с просторной трапезной и галереей-папертью. В месте перехода четверика в восьмерик установлены изящные декоративные кокошники с прорезными гребнями на коньках килей.

Мощный шатер расположен на прочном основании — повалах, рубленных «в ряж». Высота храма 32 м, в настоящее время церковь потеряла 1–2 м высоты. У храма необычный алтарный прируб в форме двускатной кровли с «воротником» из полиц, такой же изящный «воротник» расположен у основания шатра и утраченной колокольни. Храм время от времени используется для богослужения, о чем сви-



Рис. 6. Никольская церковь, с. Пурнема, Онежский р., 1618 г. Фото А. Пермиловской.

детельствуется его интерьер. Церковь построена в 1618 г. Другие возможные даты постройки — 1645–1648 гг. (Бокарев и др. 2014; Родионов 2017: 206–213). Рядом стоящая церковь Рождества Христова (1861) возведена по «типовому проекту» (Архив НЦ ТКМП 2020: 35–54), «вторая на оном месте» (ГААО 1). Устройством церкви занимался плотницких дел мастер М. Ф. Пирогов (Хатанзейская 2020).

Роща «Кендище» занимает узкую полосу суши между морем и рекой, здесь находится «кладбище карбасов», рыбные амбары. Пурнема принадлежит к приморско-приречному подтипу заселения, т. к. основано не только на морском побережье, но и в устье реки; и характеризуется прибрежно-рядовой формой застройки. Длина поселения около 2 км. Окна домов обращены на южную сторону, реку и море и имеют хорошее освещение. Для Пурнемы характерен комплекс дома-двора типа «брус» с высоким подклетом. Жилая часть — четырехстенек, изредка встречаются пятистенки с 3–6 окнами по главному фасаду (Архив НЦ ТКМП 2020: 123–124). Сбор и систематизация данных позволяют рекомендовать для постановки под охрану историческое поселение Пурнема как Достопримечательное место¹ муниципального уровня (ФЗ РФ N 73-ФЗ) с выявленными памятниками архитектуры. Изучение сельских исторических поселений Онежского Поморья дает возможность рекомендовать их для включения в региональное культурное наследие Архангельской области, в повседневную жизнь местного населения для формирования благоприятной среды их существования, возможности развития культурного, научного и экотуризма, создания гостевых домов, культурных индустрий, малого бизнеса, появления новых рабочих мест с целью обеспечения устойчивого развития территории АЗ РФ.

Характерным явлением морской культуры Поморья было возведение промысловых часовен.

Рис. 7. А. Борисов. Часовня на берегу Югорского Шара, 1899.



Часовни как сооружения без алтаря предназначались для упрощенного богослужения без литургии. Они строились в становищах — временных поселениях, образованных в местах рыбного, зверобойного, лесного промыслов, на островах Белого и Баренцева морей. Об этом

свидетельствует довольно большая группа документов с просьбами поморов о разрешении или освящении уже построенной часовни: «О самовольной постройке часовни крестьянами в Тиманском приходе на устье реки Пешы», «По прошению крестьянина Попова построить часовню при морской тоне «Татарниха», «О само-

¹ Достопримечательное место — «это творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе: центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории РФ..., историческими событиями, жизнью выдающихся исторических личностей... Предметом охраны являются градостроительные, геологические, ландшафтные, объемно-пространственные, планировочные, архитектурно-стилистические характеристики».

вольной постройке часовни в с. Койда Мезенского уезда» (ГААО 2; ГААО 3; ГААО 4) и др. В одной из них по результатам обыска, проведенного становым приставом, приводится описание часовни на тони в Тиманском приходе в устье р. Пеша. Тоня состояла из четырех построек и располагалась в двадцати верстах от жилья. «Старая, по-видимому, часовня развалившаяся, при ней амбарчик, как нужно полагать для соления рыбы. На нижней полке иконы и к ним — свечи, на окошке — ручная кадилница. На полу — деревянный ящик с углями, у другого окна — стол в виде аналоя. На полках — семь ковриг черного хлеба и одна рыба, видимо, для промышленников, заблудившихся, или заставших непогодой» (ГААО 2). Часовня была построена крестьянами во имя святителя Николая. Она стояла незапертой, чтобы быть доступной для всех желающих помолиться. Для поддержания часовни промысловики жертвовали 24-ю часть белужьего промысла, покупали свечи на ярмарках в Пинеге и раздавали артели промысловиков. Причины строительства часовен поморы объясняли следующим: «Мы отправлялись с сего места в открытое море для звериных, морских и рыбных промыслов, чувствуем потребность помолиться и попросить у Господа помощи о благолепном плавании среди льдов, о промысле, как единственном средстве добыть себе насущный хлеб... и успешном возвращении к своей семье» (ГААО 4).

На побережье Белого и Баренцева морей, островах — в местах рыбного, зверобойного промыслов — были установлены деревянные кресты. Поморы возводили кресты на промысловых становищах, тонях, в поморских деревнях.



Рис. 8. Крест около дома Ф. Латкина, д. Нижняя Золотца, Приморский р., конец XIX в. Фото А. Пермиловской.

Кресты — это уникальные источники по многообразию возможных в их изучении аспектов. Они могут быть рассмотрены как памятники архитектуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты. В поморской лоции XVIII в. встречаются такие описания: «Святой Нос, на коем много крестов», «В реке Коле, на левой руке на наволоке крест». На Мурмане кресты и каменные груды ставили промышленники у своих становищ, они служили ориентирами и маяками.

В XVIII–начале XIX вв. архипелаг Шпицберген (Грумант, Свåльбард) был традиционным местом поморских промыслов. Научными экспедициями было зафиксировано здесь 43–46 деревянных крестов, высотой от 4 до 6 м. В настоящее время два креста находится на о. Северо-Восточная Земля, третий — в экспозиции музея г. Лонгйир, административном центре норвежской провинции Свальбард (Минаева 2015: 95–96). Постоянные опасности, тяжелые условия жизни и промысла способствовали особому напряжению религиозного чувства и потребностью обращаться к Богу с молитвой о помощи и защите. Кресты использовались для символического структурирования территории и выделения в ней мест с сакральным смысловым наполнением. В Арктике, где сложилась православная морская культура, крест отражает особые условия жизни, является и в XXI в. центром окружающего ландшафта, выполняя защитную и сакральную миссию. Традиция постанковки крестов продолжается. В течение последних 20 лет работы кресторезной мастерской Соловецкого монастыря было установлено более 30 крестов высотой 6–12 м. Символом единения религиозного и морского знака служит один из двух храмов-маяков России: церковь Вознесения (1862) на Секирной горе на Большом Соловецком острове¹.

Неотъемлемой частью культуры является традиционное зодчество, которое выступает в качестве адаптивного механизма в обеспечении комфортной организации условий жизни. Архитектурные объекты выступают носителями черт, специфических для каждого народа, что позволяет рассматривать их в качестве своеобразных этномаркеров. Чем выше адаптационный потенциал культуры, тем более комфортно существование населения, легче и быстрее проходят его приспособление к новым условиям, больше возможностей для длительного пребывания на вновь освоенных землях (Майничева 2005). Высокий адаптационный потенциал характеризуется значительной степенью передачи явлений и элементов культуры как внутри своего народа, так и вовне — иноэтничным группам, а также восприятием культурных явлений и элементов, присущих другим народам, с осмыслением их как своих. Если в значительной степени система жизнеобеспечения была заимствована поморами у местного населения, то адаптационная модель духовного освоения лежала в системе православия. Соответственно, культовое пространство Поморья формировалось православной архитектурой, мировоззренческое содержание которой стало стабилизирующим фактором адаптации.

Перечень сокращений

АГМДЗНИ — Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы».

АЗ РФ — Арктическая зона Российской Федерации.

Архив НЦ ТКМП — Архив научного центра традиционной культуры и музейных практик.

Отчет НИР «Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этносоциальной динамике Европейского Севера и Арктики», № гос. регистрации АААА-А18–118012390220–3 (рук. д. культ. А. Б. Пермиловская), 2018–2020.

АКМ — Архангельский краеведческий музей.

ГААО — Государственный архив Архангельской области.

ГИИ — Государственный институт искусствознания.

¹ Вторым храмом-маяком стал Храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Малореченском (Крым), также известный как Храм-маяк Св. Николая Чудотворца, 2006.

ГИМ — Государственный исторический музей.
ГМИР — Государственный музей истории религии.
ГНИМА — Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева
ГПИБР — Государственная публичная историческая библиотека России.
ИЭА — Институт антропологии и этнологии РАН.
КМНС — коренные малочисленные народы Севера.
НПЦ — Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Архангельской области.
ПМА — полевые материалы автора.
РЭМ — Российский этнографический музей.
СГИАПМЗ — Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей заповедник и Соловецкий Спасо-Преображенский ставропигиальный мужской монастырь (Соловецкие острова).

Источники и материалы

ПМА — *Полевые материалы автора*. Пермиловская А. Б. Отчеты по экспедициям: в Приморский (2001, 2004, 2018), Лешуконский (2002), Мезенский (2004–2007), Онежский (1981, 1985, 2021) р-ны Архангельской области.

Архивы

Архив НПЦ 1992 — Архив НПЦ. Шармин П. Н. Паспорт Погоста с. Пурнема нач. XVII — втор. пол. XVIII вв. Онежского р. Архангельская область, 1992. Ф. 1. Оп. 1. Д. 544. Л. 13.1992.
Архив НЦ ТКМП 2020 — Архив НЦ ТКМП. Отчет НИР, 2020. 160 с.
ГАО 1 — ГАО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.
ГАО 2 — ГАО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 535.
ГАО 3 — ГАО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 1023.
ГАО 4 — ГАО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 1747.

Другие материалы

РЭМ 2016 — РЭМ. Выставка «Арктика — земля обитаемая», 2016–2021.
Тюлений промысел в пределах Мезенского уезда 1901 — Тюлений промысел в пределах Мезенского уезда // Архангельские губернские ведомости ГВ. 1901. № 29–66.
ФЗ РФ N 73-ФЗ — ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25.06.2002 N 73-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076756> (дата обращения: 25.10.2022).

Научная литература

Абрамов Ф. А. Чем живем — кормимся. Л.: Сов. писатель, 1986. 527 с.
Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: этнографические очерки. Л.: Наука: 1983. 233 с.
Борисов А. А. У самоедов. СПб, 1907. В стране холода и смерти. СПб, 1909. Репринтное издание под ред. П. В. Боярского М.: «Paulsen», 2014. 330 с.
Бокарев А. В., Мелюх Е. А., Ходаковский Е. В и др. Строительная история храмового комплекса поморского села Пурнема в XVI–XIX вв. // Архитектурное наследие 2014. Вып. 61. С. 57–69.
Грбавь И. Э. История русского искусства. Т. 1. Архитектура. Допетровская эпоха. М.: Изд-во И. Кнебеля, 1910. Т. 1. 508 с.

- Куратов А. А. Поморы // *Поморская энциклопедия. Т. 1: История Архангельского Севера*. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2001. 483 с.
- Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
- Лукин Ю. Ф. Пространство северных территорий // *Северное регионоведение в современной регионологии*. Архангельск: ПГУ, 2005. С. 64–108.
- Майничева А. Ю. Русские Сибири: зодчество в аспекте этнокультурной адаптации XVII–XX вв. Автореферат диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 2005. 43 с.
- Матонин В. Н. «Наше море — наше поле». Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск: САФУ, 2013. 334 с.
- Минаева Т. С. Языческие и христианские традиции поморских промыслов на Шпицбергене в XVIII — начале XIX вв. // *Рябининские чтения-2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*. Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: б/и, 2015. С. 95–96.
- Мильчик М. И. Памятники архитектуры Архангельской области. Пурнема и Нижмозеро. Архангельск: Сев.-Зап. книжн. изд-во, 1971. 16 с.
- Пермиловская А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург, Архангельск, Ярославль: УрО РАН, ООО «Правда Севера», 2013. 608 с.
- Пермиловская А. Б. Русский Север — специфический код культурной памяти // *Культура и искусство*. 2016. № 2. С. 155–163. <https://doi.org/10.7256/2222-1956.2016.2.18345>
- Петров А. В. (сост.) Сотвори мир в душе и пошли его людям: словарь афоризмов Фёдора Абрамова. Архангельск: Лоция, 2021. 158 с.
- Родионов А. В. Приходское духовенство: гениалогия Пасторовых, Пасторовых-Поповых и Пасторовых-Дьячковых // *Известия русского генеалогического общества*. 2017. Вып. 31. С. 203–236.
- Устинова И. И. От берега Кемского к морю Студеному: подвиги поморов в освоении Арктики // *Русский Север — 2021: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия*. Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. С. 516–527.
- Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л.: Стройиздат, 1982. 168 с.
- Хатанзейская Е. В. Церковь Рождества Христова села Пурнема Онежского района Архангельской области как образец деревянной храмовой архитектуры втор. пол. XIX в. Европейского Севера России // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 7. С. 74–85. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.7.33337>

References

- Abramov, F. A. 1986. *Chem zhivem — kormimsya* [What We Live is What We Feed on]. Leningrad: Sovetsky pisatel'. 527 p.
- Bernshtam, T. A. 1983. *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX — nachale XX v.: etnograficheskie ocherki* [Russian Folk Culture of Pomorye in the 19th — early 20th Centuries: Ethnographic Essays]. Leningrad: Nauka. 233 p.
- Borisov, A. A. (1907, 1909) 2014. *U samoedov. V strane xoloda i smerti* [At the Samoyeds. In the Land of Cold and Death]. Moscow: «Paulsen». 330 p.
- Bokarev A. V., E. A. Meliukh and E. V. Khodakovskii. 2014. *Stroitel'naya istoriya khramovogo kompleksa pomorskogo sela Purnema v XVI–XIX vv.* [Construction History of the Church Complex of the Pomorye Village Purnema in the 16th-19th Centuries]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* 61: 57–69.
- Grabar', I. E. 1910. *Istoriia russkogo iskusstva. Arkhitektura. Do-petrovskaia epokha* [The History of Russian art. The Pre-Petrine Era]. Vol. 1. Moscow: Izdatelstvo I. Knebel'ya. 508 p.
- Khatanzeiskaya, E. V. 2020. *Cerkov' Rozhdestva Khristova sela Purnema Onezhskogo rajona Arkhangel'skoj oblasti kak obrazec derevyannoj khramovoj arxitektury` vtoroj poloviny XIX*

- v. Evropejskogo Severa Rossii [Church of the Nativity of Christ in the Village of Purnema, One-ga District, Arkhangelsk Region, as an Example of Wooden Temple Architecture of the Second Half of 19th Century in the European North of Russia]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* 7: 74–85. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2020.7.33337>.
- Kuratov, A.A. 2001. Pomory [Pomors]. In *Pomorskaia entsiklopediia. Istoriia Arkhangel'skogo Severa* [Pomor Encyclopaedia. History of the Arkhangelsk North], ed. by V. N. Bulatov. Vol 1. Arkhangel'sk: Pomorsky gosudarsvennyi universitet. 317.
- Likhachev, D. S. 2000. *Russkaya kul'tura* [Russian Culture]. Moscow: Iskustvo. 440 p.
- Lukin, Yu. F. 2005. Prostranstvo severnykh territoriy [The Space of the Northern Territories]. In *Severnoe regionovedenie v sovremennoj regionologii* [Northern Regional Studies in Modern Regional Studies], ed. by Yu. F. Lukin. Arkhangel'sk: PGU. 64–108.
- Majnicheva, A. Yu. 2005. Russkie Sibiri: zodchestvo v aspekte etnokul'turnoj adaptatsii XVII–XX vv. [Russians of Siberia: Architecture in the Aspect of Ethnocultural Adaptation of the 17th–20th Centuries]. Ph. D. diss. Abstract, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Matonin, V. N. 2013. «Nashe more — nashe pole». Sociokul'turnoe prostranstvo severnoj derevni: *genesis, struktura, semantika* [Our Sea is our Field: Socio-Cultural Space of the Northern Village: Genesis, Structure, Semantics]. Arxangel'sk: SAFU. 334 p.
- Minaeva, T. S. 2015. Yazycheskie i khristianskie traditsii pomorskikh promyslov na Shpitsbergene v XVIII — nachale XIX vv. [Pagan and Christian Traditions of the Pomors Crafts in Svalbard in the 18th — early 19th Centuries]. Riabininskie chteniia-2015 [Ryabinin readings — 2015], ed. by T. G. Ivanova. Petrozavodsk. 95–96.
- Mil'chik, M. I. 1971. *Pamyatniki arxitektury` Arxangel'skoj oblasti. Purnema i Nizhmozero* [Monuments of Architecture of the Arkhangelsk region. Purnema and Nizhmozero]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoye knizhnoye izdatelstvo. 16 p.
- Permilovskaya, A. B. 2013. *Kul'turny'e smysly` narodnoj arxitektury` Russkogo Severa* [Cultural Meanings of the Folk Architecture of the Russian North]. Ekaterinburg, Arxangel'sk, Yaroslavl': UrO RAN, OOO «Pravda Severa». 608 p.
- Permilovskaya, A. B. 2016. Russkij Sever — specifichekij kod kul'turnoj pamyati [The Russian North — a Specific Code of Cultural Memory]. *Kul'tura i iskustvo* 2: 155–163. <https://doi.org/10.7256/2222-1956.2016.2.18345>
- Petrov, A. V. (ed.). 2021. «Sotvori mir v dushe i poshli ego lyudyam»: slovar` aforizmov Fyodora Abramova [“Create Peace in Your Soul and Send it to People”: A Dictionary of Aphorisms by Fyodor Abramov]. Arxangel'sk: Lociya, 2021. 158 p.
- Rodionov, A. V. 2017. Prikhodskoe dukhovenstvo: genialogiya Pastorovykh, Pastorovykh-Popovykh i Pastorovykh-D'yachkovykh [Parish Clergy: The Genealogy of the Pastors, the Pastorovs-Popovs and the Pastorovs-Dyachkovs]. *Izvestiya russkogo genealogicheskogo obshhestva* 31: 203–236.
- Ustinova, I. I. 2021. Ot berega Kemsckogo k moryu Studenommu: podvigi pomorov v osvoenii Arktiki [From the Coast of the Kemsckoy to the Studenoy Sea: the Exploits of the Pomors in the Development of the Arctic]. In *Russkij Sever — 2021: problemy` izucheniya i soxraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya* [Russian North — 2021: Problems of Studying and Preserving the Historical and Cultural Heritage]. Vologda: Poligraf-Periodika. 516–527.
- Ushakov, Yu. S. 1982. *Ansaml' v narodnom zodchestve Russkogo Severa* [Ensemble in Folk Architecture of the Russian North]. Leningrad: Strojizdat. 168 p.